

МИНИМАЛИЗМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ДНЕВНИКАХ М. А. КУЗМИНА: синтаксический и стилистический аспекты

В статье разбираются лингвистические особенности разных видов «эго-текстов» писателя, музыканта, композитора Серебряного века М. А. Кузмина (1872–1936). Дневниковые записи, как автокоммуникативный текст, предназначены для чтения в будущем, но жанр дневника в начале XX века приобретает черты жизнестроительства. Дневник читается сразу в кругу друзей и выполняет функцию не только мнемоническую, саморефлексии, но и функцию программирования событий жизни. Однотипные действия и явления фиксируются в дневнике с использованием минималистских способов выражения.

Ключевые слова: писательский дневник, М. А. Кузмин, автокоммуникация, синтаксический минимализм, авторская лексикография.

Автокоммуникативный текст (эго-текст [12]), который реализует себя в дневниковом жанре, имеет ряд особенностей. Он обращён в общем случае к автору текста (сообщение по системе «Я — Я») или к другому (коммуникативная система «Я — Он»). По жанровому заданию дневниковое письмо, «отправленное» во времени к будущему читателю [1; 6], выполняет не только мнемоническую функцию, но и заключается в задаче «уяснения внутреннего состояния пишущего, уяснение, которого без записи не происходит» [11, 25]. Дневники писателя, музыканта, композитора Серебряного века М. Кузмина (1872–1936) выполняют указанные функции, однако имеют и значительные особенности [5]. Первая (внешняя) — это немедленное прочтение записей в кругу своих знакомых (что снимает временной зазор между процессом написания и чтения и, как следствие, устраняет идею отделки, исправления текста, приведения его в «приличное» состояние); вторая (внутренняя) — особый языковой статус письма, мы его называем минималистическим. Предметом нашего анализа станут дневниковые записи дореволюционной эпохи (до 1917 года). Данное ограничение, обусловленное возрастом автора (чем старше, тем больше рассуждений, оценок, меньше фактов из настоящего,

* Анна Владимировна Гик — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация); annagik@yandex.ru

больше отсылок к прошлому), связано не только с изменением техники записи, но и с изменением социальной и политической обстановки в стране.

Под минимализмом мы понимаем такой способ изложения материала, который позволяет всё достаточное и необходимое изложить с помощью оптимальных языковых элементов. Если учесть, что дневник лингвистически близок к письменной форме разговорной речи, то сокращение языковых средств должно подкрепляться контекстом устного восприятия (мимика, жесты, паузы и др.) и опираться на общий со слушателями горизонт понимания. На уровне синтаксиса — возможны как повторяющиеся синтаксические конструкции (например, весь день описан только придаточными предложениями с союзом и союзным словом «что» (все дневниковые записи приводятся по изданиям [8; 9; 10]; выделения полужирным в тексте наши. — А. Г.): «Утром был у Саши; <...> говорит, **что** много не помнит из того, **что** произошло после Пасхи, **что** мне не очень сулит» (12 мая 1906); «Вера сказала мне, **что** она беременна от Вячеслава, **что** любит меня и без этого не могла бы жить с ним, **что** продолжается уже давно, и предложила мне фиктивно жениться на ней. Я был потрясён» (16 апреля 1912), так и эллиптическими предложениями: «Серёжа еще остаётся; я еду завтра» (25 мая 1907), которые требуют для современного читателя специального комментария. Используются частицы, которые организуют текст и передают процесс его создания, так называемая перебивка мыслей (см. частица «да»): «Что было, не помню. Обедали у Коровина. **Да**, был у Блок, причём застал только его жену» (8 декабря 1907). Последние конструкции записи, в которых сначала утверждается, что автор ничего или мало чего запомнил из событий дня, а потом, после частицы «да», идёт описание дня, используются в дневниках разных лет.

Насколько нам известно, Кузмин вёл записи утром, значит, по памяти восстанавливал вчерашний день. Память человека выбирает только главное, что может быть перенесено на бумагу. Автоматизм письма, как нам кажется, связан с желанием обнародовать подсознательные интенции, как бы подловить себя на различных мыслях, которые кажутся главными — эссенциями внутренней жизни. «Отсутствие всего лишнего» обозначают также термином «эссенциализм» (упоминание только того, что несомненно существенно). В свою очередь, так понимаемый эссенциализм сближается с минимализмом [7, 76]. В дневнике 1909 года появляются односоставные и неполные предложения, которые, как парцелляты, фиксируют смену событий: «Жар. Проспали.купаются. Денег не шлют. Это прямо ужасно» (30 мая 1909). Действительно, в записях дневника находим важные замечания-рассуждения: «До глубины уверен, что жизнь не только отдельного человека, но даже стран не есть восхождение или нисхождение, а ряд случайностей» (26 октября 1905).

Творческие планы также вписаны в распорядок дня: «Утром писал “Эме Лебеф”» (28 августа 1906). Дневник становится не только материалом для художественных произведений (см. рассказ «Картонный домик», в котором отражены события, зафиксированные в дневнике) [4]. Эмоциональный тон записей неровный, что характеризует личность Кузмина как ищущую и готовую изменяться, иногда проскальзывают апокалипсические ноты: «Деньги нужны так же, и опять придут мысли об убийстве <...> И как

только отходит мысль о Павлике, является мысль о смерти. Всё каждый раз настойчивее» (28 августа 1906).

Чтение дневника друзьям подразумевает желание Кузмина узнать их мнение о себе, так что самоанализ дополняется анализом отзывов друзей и окружения: «Мне было лестно, что Чулков считает меня черносотенцем из-за хорошего тона и думает, что я бы сумел взойти на гильотину» (18 апреля 1907). Проявляется новая функция дневника — как зеркальная комната, в которой можно увидеть своё отражение в удвоенном, утроенном — до бесконечности виде. Однако однообразие записей друзьям Кузмина довольно скоро надоедает. Не многие воспринимают поэзию быта: «Будучи вчера чуть не весь день у Ивановых и “говоря много об Антиное”, пришли к убеждению (к чести В[альтера] Ф[ёдоровича] говорю, что “пришли”), что **я делаюсь в дневнике всё более однообразным и неинтересным**, что не занимаюсь, веду безалаберную жизнь, размениваюсь на мелочи и что, ввиду всего этого, желателен мой скорейший отъезд. Как ни трогательны такие заботы обо мне, вижу, что если не дружбе, то дружескому времяпрепровождению с В[альтером] Ф[ёдоровичем], с Сомовым и другими пришёл конец, как Гафизу, как многому другому. И если мы поедем все в “Славянку”, это будет последний Гафиз. А планы на яхту, на ins grne, на посещение Сомова? Увы, В[альтер] Ф[ёдорович] устал, и это ему наскучило. **На 4 месяца хватило моей интересности. Теперь мне нужно искать новой аудитории, а дневник, его чтение — прямое зло. Разве я должен жить так, чтобы дневник был интересен? Какой вздор!**» (30 июня 1906). Кузмин, конечно, интересуется мнением аудитории, но не согласен сдаваться и отказываться от своей идеи вести дневник дальше.

Ведение дневника имеет и организующую роль.

Дневниковые записи, которые Кузмин вёл на протяжении тридцати лет, могут быть соотнесены с другими видами эго-текста: «для полноценного изучения биографии и творчества М. Кузмина исследователю необходимо одновременно принять во внимание его Дневник, переписку, рабочие тетради и записные книжки» [13, 9]. Каждый вид эго-текста имеет свои языковые особенности. Рабочие тетради отличаются от дневниковых и записных книжек. Первые внешне выглядят как «переплетённые рукописные тетради поэта, непременно содержащие его творческие рукописи — как правило, наряду с записями иного рода: списками собственных произведений с указанием дат их написания, подсчётом гонораров, выписками при чтении, списками книг и журналов для чтения и/или приобретения, различными планами. Отсутствие творческих рукописей в переплетённой тетради обычно указывает исследователю на то, что перед ним — записная книжка» [13, 11]. Рабочие тетради и записные книжки содержат структурированные записи, связанные нумерацией, тематикой. Дневник оформляется ситуативно. Начало многих записей клишировано — это глагол «быть» в прошедшем времени: «Был у Циммермана, взял “Духовные стихи” и “Александрийские”. Что же было вечером, не помню. Да, был у Гречанинова, где играл свои вещи и слушал “Беатрису”. Было не плохо, я люблю возвращаться с Острова» (10 апреля 1912); «Был Позняков» (24 июня 1913); «Что было? Ничего не делаю и зол» (12 февраля 1915).

При чтении дневника, который организован так, чтобы казалось, что текст не организован, сложно понять утверждение исследователей, считающих дневник Кузмина художественным произведением: «Для многих, как и для самого Кузмина, дневник был художественным произведением. Впервые произнёс это, очевидно, Вяч. Иванов, знавший некоторые фрагменты дневника в чтении автора» [3, 6]. «Дневник рассматривался автором не в качестве записей для себя, но как текст, ориентированный на восприятие публикой» [13, 18]. Скорее всего, это метафора. Плюс желание авторов начала XX века писать так, как живут, и жить так, как пишут (ср. идеи жизнестроительства). Художественность — это формирование нового стиля — модернистского? — когда отрывочные мысли становятся объектом описания. Но дело в том, что жизнь, описанная в дневнике, не является фикцией, все события действительно были.

Таким образом, Кузмин выбирал для каждого текстового образования свой набор средств выражения. Идея минимализма связана с идеей сериальности, повторяемостью действий [14]. Один из принципов цикличности времён года, смены дня и ночи. В основе сериальности лежит идея ритма, на котором покоится поэтический текст. В этом аспекте дневник и стихотворное произведение совпадают. И здесь мы должны сказать об организующей личности автора функции дневниковых записей.

Скупые языковые средства распространяются и на образный строй дневника. Лапидарность записей требует минимализации не только синтаксиса, но и лексики (например, тавтологии): «Я написал этот дневник, будто он может попасть в чужие руки, но это так и должно, раз это касается не лично меня и не лично других. И притом я пишу так, как у меня **запечатлелись впечатления**» (5 декабря 1905).

Любимым словом всех дневников писателя становится наречие «очень»: «Они [Ивановы] были **очень, очень** милы, добры, ласковы, но чувствовалась некоторая отдалённость; просили опять дневника, не знаю теперь, не ещё ли это невозможно; хотя я не боюсь огласки, но многого они могут не переварить» (10 июня 1906). Мы с помощью программы Voyant-tools.org посчитали общее количество слов в дневниках разных лет. Приводим результаты, которые свидетельствуют не только о минимализме, но и о шаблонности дневникового текста. Для сравнения приводим подсчёты дневника 1934 года. Частотность слов указана в круглых скобках после лексемы.

Дневник 1905 г. Общее количество слов 23 741; 7552 уникальных словоформ (неповторяющихся). Самые частотные слова: очень (126); сегодня (105); потом (69); вечером (68); ли (58).

Дневник 1906 г. Общее количество слов 77 500; 16 155 уникальных словоформ. Самые частотные: очень (441); потом (324); Нувель (219); ли (194); Павлик (183).

Дневник 1907 г. Общее количество слов 49 782; 11 876 уникальных словоформ. Самые частотные слова: очень (349); дома (192); пришёл (156); письмо (150); потом (149).

Дневник 1934 г. Общее количество слов 37 641; 11 918 уникальных словоформ. Самые частотные слова: юр (235); очень (187); даже (124); потом (115).

Две лексемы: *очень* и *потом* — становятся фаворитами дневниковых записей Кузмина. Такая монотонность речи связана с жанровыми обязательствами текста, с одной стороны; а с другой — подкрепляет нашу идею минимализации языковых средств для описания повторяющихся действий.

Цель создания дневников у Кузмина была двойной — и рассказать, и одновременно скрыть. Особенно это появилось вследствие политической обстановки в России. Людей убивали по идеологическим соображениям. Нельзя было допустить, чтобы персоны, появившиеся на страницах дневника, были арестованы и расстреляны. Наличие автоцензуры, связанное с личными пристрастиями, моральными установками, не исключало не только цензуру читательскую (а также слушателей), но и возможную цензуру публикаторов. Дневники были напечатаны лишь в начале XXI века.

Стилистически записи дневника можно отнести к разговорному стилю. Так называемый разговорный письменный. Так как дневник сразу читался, то некоторые недоговорённости могли быть поняты из контекста и окружения слушателей. Предложения строятся по одной структурной форме. Если начинаются записи сложными предложениями, то они и остаются. Воспроизводится идея соположенности событий, которые не различаются по значимости, а подаются как происходившие последовательно: Язык дневника Кузмина характеризуется синтаксическим «минимализмом»: 1. «Был издатель, дал мало, об издании ни гу-гу» (16 января 1905); 2. «Ничего, пост, без денег, хандрю» (13 февраля 1906).

Развёртывание во времени последовательно передаёт то, что может быть задумано одновременно. В этом и есть особенность перевода мысли в пространственное поле страниц текста.

Важная особенность синтаксиса дневников Кузмина — отсутствие абзацев. Это также свидетельствует о желании автора выстроить в один ряд явления разного порядка: внешние события и факты, внутренние оценки и состояния. Приведём запись от 25 октября 1905 года полностью: «Остаюсь в новом направлении, т. е. в старом, вернее. До глубины уверен, что жизнь не только отдельного человека, но даже стран не есть восхождение или нисхождение, а ряд случайностей. Нужно оповестить Юшу, Лидию Михайловну, “Современников” и написать письмо в Углич. В этом настроении с каким двойным удовольствием жду Гришу, только надо, чтобы борода отросла. Что же будет с моими детками: Елевсиппом, Филостратом, Антиномом? Или эта линия идёт сама по себе и только иногда случайно совпадает? Впрочем, увидим. Всегда бывает то, что быть должно, а сами мы только портим». В один абзац помещаются факты разного порядка: первое предложение — оценка жизненного настроения; второе — утверждение примата предопределённости; третье — список дел в форме однородных членов предложения; четвёртое и пятое — рассуждение о героях собственных произведений; шестое — сентенция о необходимости покориться судьбе.

Различаются записи не только по форме, но и по объёму. Так, с 18 по 29 июня 1912 года записи состоят из нескольких предложений, буквально несколько строк: «Опять был у Валечки с Нуроком. Думали ехать в оперетку, да денег нет. Всеволод не пишет и не едет»; «приехал Гюгюс. Был в “Аполлоне”».

Обедали у Палкина, потом сидели у меня, потом были в “Метрополе”. По Невскому бегают тапетки»; «Поздно встал. Приходил Миллер, звонил Гюнтер. Выбрался только в Царское»; «Приехал вместе с Мако и Врангелем. Был еще Каратыгин, Спасский и граф Комаровский. Читал долго. Возвращались вместе. А Князев-то, Князев. Миллер заходил и без меня».

Редко, в отличие от стихотворных произведений, встречаются метафоры: «Какая тишина и счастье спускается на меня при повороте к старому курсу» (27 октября 1905). Терминология морского дела — проложить курс. Это образное поле представлено и в поэтических текстах. Например, ср. стихотворение «Не правда ли, на маяке мы...».

Пропуски частей фразеологизма тоже можно рассматривать как пример минимализации речи. Фразеологизм «до глубины сердца» редуцируется: «до глубины». Конечно, экстралингвистические факты и дают возможность сравнить дневниковые записи и телеграфный стиль записки. Опускаются связки, остаются только короткие, но по возможности распространённые предложения. Сравним стиль записки Кузмина Руслову. Эту записку должен был передать А. Белый [2]:

«Не удивляйтесь; посылаю духи с Андр. Белым, искал по всему городу: те ли?

Утром послал книги, вечером напишу. Увидимся.

Жду карточки.

Простите каракули.

Стихи пришлю.

Ваш

<...>

28 Января 1908».

Что сложно найти в дневниках дореволюционной эпохи — так это описание природы. Дневник 1934 года (Дневник 1934) содержит такие вставки: «Тяжёлая к грозе погода. Не выходил. Да гроза и была, только недостаточная. Вечером читал Юр. дневник. При такой системе возможно целыми кусками воспоминаний: предки, саратовские знакомые, сестра, Казаков и т. д., неиссякаемые века. Притащил мне Юр. Масснэ и Берлиоза. Не из самых любимых. Был Смирнов с “Лиром” (с лирой), звонил я Ан. Дм. Хочет увидеться до моего отъезда» (29 июня).

Дневник 1934 года имеет свои особенности. Из в целом бытового он превращается в мемуарный. Воспоминания становятся пространными — эдакие вставные новеллы из прошлого, в которых Кузмин рассуждает о дружбе с Вяч. Ивановым, например, о своих предках и т. д. Увеличиваются метазамечания: «**На своём месте**. При настоящей системе ведения дневника события личной жизни отходят на какой-то десятый план, что, м[ожет] б[ыть], и правильно, но значительность этим не повышается. Как в хронике — ряд вздорных мелочей, пили чай, сломался ножик, ходил гулять, так теперь ворох вздорных мыслей и образов — течение ежедневного воображения» (20 июня). Так автор дневника подтверждает идею проникновения разных видов «эго-текста» друг в друга. Некоторые записи в последнем дневнике получают короткие заглавия, как, например, приведённая запись: «На своём месте».

Таким образом, минималистический принцип дневниковых записей Кузмина основан на желании как можно быстрее записать те впечатления,

которые остались от прожитого дня. Поэтому используются редуцированные конструкции разговорной речи. Двойной оптикой для себя и для других обусловлены неполные предложения, употребляемые автором в своих записях. Минимализм дневника опирается и на описание обыкновенных повторяющихся действий, таким образом, связан с ритмом жизненных циклов. Дневник помогает автору сформулировать экзистенциальные проблемы и одновременно получить их оценку от слушателей, тем самым скорректировать свою жизнь.

У современного читателя дневников позиция изменяется. Читатель XXI века по большей части черпает в дневниках факты культурной истории начала XX века и ищет ключи к тайнам творчества писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богомолов Н. А.* Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник. Четвёртые тыняновские чтения. — Рига, 1990. — С. 152–154.
2. *Богомолов Н. А.* Второе дополнение о Кузмине // Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. — Томск : Водолей, 1999. — 640 с.
3. *Богомолов Н. А., Шумихин С. В.* Предисловие // Кузмин М. Дневник 1905–1907 гг. — СПб., 2000. — 608 с.
4. *Гик А. В.* Роман М. Кузмина в стихах и прозе // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвящённой 80-летию В. П. Григорьева / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 19–22 мая 2005 г. — М., 2006. — С. 154–164.
5. *Гик А. В.* Способы передачи чужой речи в дневниках М. Кузмина // Русский Язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. — С. 487–488.
6. *Зализняк А.* Дневник: к определению жанра // НЛО. — 2010. № 106. — С. 162–180.
7. *Касевич В. Б.* Минимализм в языке и речи // Российский журнал когнитивной науки. — 2018. Т. 5. № 1. — С. 76–81. <http://www.cogjournal.ru/5/1/pdf/KasevichRJCS2018.pdf> (дата обращения 01.09.2021).
8. *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года / сост., подг. текста, вступ. статья, коммент. Г. А. Морева. — СПб., 1998. — 418 с.
9. *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 / подг. текста и коммент. Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. — 608 с.
10. *Кузмин М. А.* Дневник 1908–1915 / подг. текста и коммент. Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. — 864 с.
11. *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М., 1996. — С. 23–46.
12. *Михеев М.* Дневник в России 19–20 век — эго-текст и пред-текст. — М., 2006. — 264 с.
13. *Тимофеев А. Г.* Рабочие тетради М. Кузмина как литературный и биографический источник. Дисс. ... канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2005. — 377 с.
14. *Kostelanetz R.* Minimalism // Kostelanetz R. Dictionary of the avant-gardes. — Chicago, 1993. — Pp. 147–148.

REFERENCES

1. *Bogomolov N. A.* Dnevniky v russkoy kul'ture nachala XX veka [Diaries in Russian culture in the early twentieth century] // Tynyanovskiy sbornik. Chetvertyye tynyanovskiye chteniya. — Riga, 1990. — S. 152–154.
2. *Bogomolov N. A.* Vtoroye dopolneniye o Kuzmine [The second addition about Kuzmin] // Russkaya literatura pervoy trety XX veka : Portrety. Problemy. Razyskaniya / N.A. Bogomolov. — Tomsk : Vodoley, 1999. — 640 s.
3. *Bogomolov N. A., Shumikhin S. V.* Predisloviye [Foreword] // M. Kuzmin. Dnevnik 1905–1907 gg. — St.Petersburg, 2000. — 608 s.
4. *Gik A. V.* Roman M. Kuzmina v stikhakh i proze [M. Kuzmin's novel in verse and prose]. // Khudozhestvennyy tekst kak dinamicheskaya sistema / Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu V.P. Grigor'yeva / Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. Moskva, 19–22 maya 2005. — Moscow, 2006. — S. 154–164.
5. *Gik A. V.* Sposoby peredachi chuzhoy rechi v dnevnikakh M. Kuzmina [Methods of transferring someone else's speech in M. Kuzmin's diaries] // Russkiy Yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost'. VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka. Trudy i materialy. — Moscow. Lomonosov MGU. 2019. — S. 487–488.
6. *Zaliznyak A.* Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: towards the definition of the genre] // NLO. — 2010. № 106. — S. 162–180.
7. *Kasevich V. B.* Minimalizm v yazyke i rechi [Minimalism in language and speech] // Rossiyskiy zhurnal kognitivnoy nauki, 2018, tom 5, № 1. Pp. 76–81. <http://www.cogjournal.ru/5/1/pdf/KasevichRJCS2018.pdf> — accessed: 01.09.2021
8. *Kuzmin M. A.* Dnevnik 1934 goda [The diary from 1934]. / Creation, text preparation, introduction article and comments by G.A.Morev. Saint Petersburg, 1998. — 418 s.
9. *Kuzmin M. A.* Dnevnik 1905–1907 [The diary from 1905–1907] / Text preparation and comments by N.A.Bogomolov, S.V.Shumikhin. Saint-Petersburg: Ivan Limbakh Publish House, 2000. — 608 s.
10. *Kuzmin M. A.* Dnevnik 1908–1915 [The diary from 1908–1915] / Text preparation and comments by N.A.Bogomolov, S.V.Shumikhin. — Saint-Petersburg: Ivan Limbakh Publish House, 2009. — 864 s.
11. *Lotman Yu. M.* Avtokommunikatsiya: “Ya” i “Drugoi” kak adresaty [Auto-communication: “I” and “Other” as destinations] // Lotman Yu.M. Vnutri myslyaschikh mirov. Chelovek — Text — semiosfera — istoriya. — Moscow, 1996. — S. 23–46.
12. *Mikheev M.* Dnevnik v Rossii 19–20 vek — ego-tekst i pred-tekst [Diary in Russia 19–20th century — ego-text and pre-text]. — Moscow, 2006. — 264 s.
13. *Timofeev A. G.* Rabochiye tetradi M. Kuzmina kak literaturnyy i biograficheskiy istochnik. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [M. Kuzmin's workbooks as a literary and biographical source]. Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. — Saint Petersburg, 2005. — 377 s.
14. *Kostelanetz R.* Minimalism // Kostelanetz R. Dictionary of the avant-gardes. Chicago, 1993. — Pp. 147–148.